

скаго ума и христіанской совѣсти. И факты связи въ народномъ уопредставленіи понятій христіанскихъ съ воззрѣніями отдаленной языческой старины, при изученіи психологической основы такой связи, указали-бы, можетъ быть, тотъ путь, который ближе и вѣрнѣй ведетъ къ народной душѣ.

N. N.

Отъ редакціи.

Редакція вполне присоединяется къ пожеланіямъ автора статьи. Съ удовольствіемъ она дастъ мѣсто на страницахъ Извѣстій подходящимъ статьямъ на указанныя темы. Конечно, всѣ напечатанныя статьи будутъ своевременно оплачены. Вообще для редакціи въ высшей степени желательно имѣть сообщенія съ мѣстъ о мѣстной церковно-приходской жизни. Извѣстія въ значительной степени выполнили бы свою задачу, если-бы съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ статьяхъ, сообщеніяхъ, письмахъ дали картину и церковно-приходской жизни и жизни сельскаго духовенства съ ея тяжелыми нуждами и скорбями. Въ частности весьма желательно было-бы имѣть сообщенія о сектантствѣ на мѣстахъ и борьбѣ съ нимъ. Имена авторовъ сообщеній, если бы они того пожелали, конечно, будутъ сохранены въ строгомъ секретѣ...

Великое сокровище.

„Скажи, чтобы камни сіи стали хлѣбами“, говорилъ Христу дьяволъ, искушая Его въ пустынѣ послѣ подвига сорокадневнаго поста. Т. е., говорилъ какъ бы такъ: обрати Твою чудодѣйственную силу на насыщеніе человѣчества, не спасеніе вѣчное, а сытость даруй человѣческому роду.

„Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ“, отвѣтилъ Христъ, „но о всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѡ. 4, 3—4).

Есть въ человѣкѣ другая жизнь, высшая жизни тѣлесной, жизнь духовная, которая также требуетъ питанія, какъ и тѣло. И если тѣло безъ пищи существовать не можетъ, умираетъ, такъ же замираетъ и духъ человѣка.

Человѣкъ безъ совѣсти, безъ правды, жестокой злодѣй, извергъ—мертвъ духовно. Искра Божественная, возженная благодатію Божіею въ сердцѣ его, угасла въ немъ... Смерть вѣчная въ душѣ его, а съ нею и неразлучная вѣчная погибель.

И со всякимъ человѣкомъ такъ будетъ, если онъ не будетъ питать душу свою.

Пища же для души нашей—Божественная плоть и кровь Господа нашего Иисуса Христа, преподаваемая намъ въ великой тайнѣ Причащенія, и Его Божественное Слово. И какъ христіане принимаютъ Божественныя тайны, также должны они непрестанно проникаться черезъ слушаніе и чтеніе Словомъ Божественнымъ.

Особенно должно быть дорого для христіанина Святое Евангеліе. Въ немъ заключено вѣчное слово Самого Господа Иисуса Христа. Великое сокровище, великая святыня сія Божественная книга. По слову св. Іоанна Златоуста дьяволъ не дерзаетъ и проникнуть въ тотъ домъ, гдѣ есть Евангеліе. Если люди знаютъ о любви, о правдѣ, о кротости, то только отсюда приняли сіи Божественныя истины. Отсюда все чистое и высокое въ мірѣ. Это источникъ воды живой, пьющій которую не будетъ жаждать во вѣки, не будетъ томиться мучительнымъ и безплоднымъ исканіемъ истины, ибо будетъ въ спокойствіи и радости духа обладать сею истиною. Послушай, что говоритъ святой Златоустъ: „Есть у тебя Слово Божіе,—никто не научитъ тебя, какъ оно... Постигнетъ ли тебя скорбь, притекай къ нему, какъ къ сосуду, наполненному цѣлебнымъ веществомъ. Случается ли утрата, смерть, потеря ближнихъ, — оттуда почерпай утѣшеніе въ своемъ несчастіи. Или лучше, не принимай только къ нему, но принимай его всецѣло и храни въ своемъ умѣ. Отъ незнанія Свящ. Писанія всякое зло. Безъ него мы выходимъ на войну какъ бы безъ оружія. И какъ намъ спастись? Легко спастись съ Св. Писаніемъ, а безъ него невозможно“ (Кн. 21, стран. 432).

Но многіе-ли изъ православныхъ читаютъ сіе сокровище? — Увы, больше, пожалуй, такихъ, которые вовсе даже не имѣютъ у себя сей святой книги. Какое непростительное нерадѣніе! Если бы гдѣ нибудь слѣпымъ давали зрѣніе, какъ устремились бы туда несчастные слѣпцы... А если среди окружающей насъ

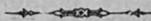
непроницаемой тьмы заблуждений, злобы, лжи, преступлений Церковь предлагаетъ намъ чистый свѣтъ Св. Евангелія, мы совершенно холодны и равнодушны. Святой крестъ и святую икону каждый христіанинъ имѣетъ, а Св. Евангеліе, бываетъ, что христіанинъ всю жизнь не держалъ даже въ своихъ рукахъ. Не безумство ли это? Удивляться ли послѣ этого разложенію жизни христіанской, разливающемуся повсюду пьянству, разврату, преступленіямъ? Не устоитъ домъ, какъ рушится основаніе его. А Св. Евангеліе подлинно есть основаніе всей жизни христіанской. Никакія мѣры, никакія законы не устроятъ жизни общественной, если христіанами пренебреженъ будетъ и забытъ единственный Божественный Евангельскій законъ любви и правды.

Добрый христіанскій воспріемникъ, воспринимая отъ купели, ты предъ Церковью и Богомъ ручался за вѣру воспринимаемаго тобою. По доброму христіанскому обычаю ты приносилъ крестъ для возложенія на шею его. Но вручилъ ли ты ему въ свое время Св. Евангеліе, научилъ ли читать сію святую книгу? А если воспринятый тобою всю жизнь не зналъ ея? О, не думай, что ты не отвѣтишь за то въ свое время предъ Господомъ Богомъ.

Добрые христіане!

Будемъ все имѣть сію святую книгу, будемъ непрестанно читать ее, и тогда благодатію Божіей и жизнь свою устроимъ и вѣчное спасеніе получимъ.

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

Война и развлеченія.

Ветхозавѣтный мудрецъ учитъ, что „всему свое время подъ небомъ: время плакать и время смѣяться, время сѣтовать и время плясать“, и что на его благомудрый взглядъ—„сѣтованіе лучше смѣха“, а потому—„сердца мудрыхъ—въ домъ плача, а сердца глупыхъ—въ домъ веселія“ (Еккл. III и VII). А иные мудрецы нашихъ дней полагаютъ, что сѣтованіе—опасное, грѣховное чувство даже и въ такое нерадостное время, какъ война. Не безъ удивленія прочиталъ я въ одной столичной га-

зетѣ горячую, даже страстную апологію *) развлеченій во время войны. Публицистъ сурово хмурится на людей съ повышенной нервною, зоветъ „ригористами“ тѣхъ, кто смѣетъ думать о неумѣстности развлеченій, театровъ, вечеринокъ, концертовъ, роялей, скрипокъ, улыбокъ и смѣха—во время тяжелой, небывалой даже въ исторіи войны нашей съ могучей тріадой злыхъ недруговъ. Ему, публицисту, нравятся люди „иной психологіи“, которые могутъ и во время войны сохранить „нормальный ходъ жизни“, которые способны и во время войны „жить такъ, какъ жили до войны“. Эта способность неизмѣнять старыхъ привычекъ во время войны есть будто бы „драгоценная способность“ ибо „измѣненіе привычныхъ условій жизни губительно дѣйствуетъ на настроеніе массъ. и прежде всего подрываетъ ихъ работоспособность“... „Не дай Богъ, вопіетъ публицистъ, чтобы подобное движеніе, поднятое „ригористами“, проникло въ общество“: „оно составитъ величайшее бѣдствіе“, такъ какъ будетъ свидѣтельствовать о томъ, что русскій народъ во время войны или вслѣдствіе войны поддался грѣховному, опасному чувству *унынія*“... „Невоющая Россія, — продолжаетъ апологетъ развлеченій, есть надежный и отвѣтственный тылъ арміи. Хорошо же тылъ, пораженный уныніемъ, разслабленный какимъ-то ханженствомъ и подъ видомъ скорби за убитыхъ воиновъ дрожащій за собственную шкуру“... Если бы спросить воюющихъ отцевъ и братьевъ, они непременно, увѣряетъ публицистъ, отвѣтили бы намъ: „преждевременно грязнуть въ уныніи и посыпать голову пепломъ, и — нѣтъ-де надобности въ ханженствѣ, ломаніяхъ и кривляніяхъ, такъ какъ не этимъ, а какимъ-то инымъ путемъ приобретаются твердость и бодрость духа“...

Стало быть, пока надъ Россіей не летаютъ зловѣщія птицы—вороны, а летаютъ невѣдомо какія „другія птицы“,—законно и праведно дать неунывающимъ Россіянамъ „разрѣшеніе на вся“, держась принципа: „вольному—воля, спасенному—рай“. Чувства, изволите видѣть, должны быть свободны. Они—морализируетъ газетный психологъ—перестанутъ быть чувствами, если ихъ одѣть въ

*) Написана была эта апологія въ то время, когда война успѣла уже ясно выявить и обычные для нея ужасы, и необычныя звѣрства нашихъ враговъ.